

A.R. Kantorovich

The article analyzes the synchronous and diachronous influences on the animal style of steppe Scythia as part of the system of the Scytho-Siberian zoomorphic art from the Near Asian source which along with the Greek and the Thracian ones is the fountainhead of such influences. Most of the Near Asian influences are connected with Achaemenid art, synchronous with relation to Scythian one. Achaemenid art is the source of the second wave of the Near Asian influences on Scythian art. Since Achaemenid art itself is syncretic and has Greek features among others, the author singles out the elements of the Achaemenid influence on Scythian art based on an earlier Near Asian tradition (Luristani, Assyrian, Hittite etc). Also the author points out some results of diachronous influence of pre-Achaemenid Near Asian art on Scythian art of V–IV centuries B.C. which have no reflection in Achaemenid art. Presumably these influences of pre-Achaemenid time were transferred to the Scythian art of this period not by means of Achaemenid mediation, but with the help of Urartian, Ionian and then early Scythian art, on the one hand, or by means of the archaic art of the Asian part of Scytho-Siberian animal style, on the other hand.

The author differentiates between general compositional influences (two main composition schemes determining the attitudes of the majority of representation of the ungulate, primarily the deer, the head of a feline beast en face) and purely stylistic borrowings (hypertrophied leg muscles, accentuation of the shoulder blade and croup; accentuated shoulder blade together with the muscle of a shoulder or a forearm which led to the formation of the original motif of the fractional shoulder blade; the motif of «reduced skeleton»; the treatment of the lion's mane (going behind the animal's shoulder blade); the tradition of isolating the animal's head with the help of a transverse line on the neck; the tradition of hypertrophied brow creases of the ungulate and beasts of prey.

A conclusion is made that steppe Scythian art reflects the general processes of the formation and periodic renovation of the Scythian animal style under the onslaught of different influences, among them the Near Asian one. The latter is noted over the whole period of the existence of the Scythian animal style from its emergence in the VIIth c. B.C. to its degeneration in the late IVth–IIIrd c. B.C. Though not so constant and immediate as the ancient Greek artistic impulses, the Near Asian ones determined to a great extent the uniqueness of the artistic environment of steppe Scythia.

© 1998 г.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА И ИМПЕРИИ В ДИАЛОГЕ ТАЦИТА «ОБ ОРАТОРАХ»

(К интерпретации текста)

Диалог «Об ораторах» – сочинение, за которым прочно укрепилась слава одного из самых дискуссионных памятников римской литературы¹. Ни один из них не вызывал столько споров, сколько этот маленький трактат, вместе с тем общепризнанно считающийся «ключом к пониманию исторической концепции Тацита»². Но ни общая тенденция диалога, ни условия, в которых он был написан, ни преследовавшиеся автором цели не ясны настолько, чтобы историография могла дать твердый и уверенный ответ – писал ли его Тацит как «убежденный монархист», затем изменивший свои взгляды, как «конформист», прикрывавший их до поры до времени, или как «диалектик», тоскующий по старому, но признающий необходимость нового.

В основе многолетней дискуссии – различия в истолковании речей одного из героев диалога, Куриация Матерна. Одни видят в нем убежденного сторонника принципата, другие – столь же убежденного его противника, третьи пытаются примирить крайности между собой. Смысл двух его речей в диалоге, по мнению большинства

¹ *Heilmann W.* «Goldene Zeit» und geschichtliche Zeit im Dialogus de oratoribus // *Gymnasium*. 1989. 96. S. 385.

² *Häussler R.* Tacitus und das historische Bewußtsein. Heidelberg, 1965. S. 385.

исследователей, противоречив и внутренне, и в сравнении с духом иных, в том числе написанных тогда же, трудов историка. Объясняют эти противоречия различно: строя догадки о судьбе реального прототипа тацитовского Матерна исходя из предполагаемой основной идеи его речей, именно с их помощью и пытаются понять эту основную идею; отрицая роль Матерна как главного героя диалога и тождественность взглядов его и автора по причине их кажущегося несходства, этой нетождественностью несходство и объясняют; подбирая на основе той или иной произвольно определяемой идейной направленности речей Матерна ту или иную дату создания диалога, с помощью разного исторического контекста пытаются прояснить и саму эту направленность, и датировку. Историография словно бродит по замкнутому кругу, порождая все новые и новые версии и комбинации, в основе которых – одни и те же факты, один и тот же материал. Нисколько не умаляя значения и ценности результатов конкретных исторических и филологических исследований, посвященных диалогу, хотелось бы отметить, что отсутствие единства в понимании целого, а не отдельных пассажей из отдельных речей, объяснимо лишь возможным несовершенством методического подхода, принятого в историографии. Налицо две характерные его особенности – привлечение к интерпретации диалога данных внешнего контекста, пусть даже реконструируемых на ее основе, и склонность к синтетическим построениям, приводящая к активному использованию гипотетических предположений предшественников в качестве полноценных аргументов³. Теоретически этому подходу можно противопоставить иной, прямо противоположный. Именно методологический аспект должен выйти на первый план в заметках, задача которых – анализ всего круга вопросов, связанных с интерпретацией речей Матерна и диалога в целом, в том порядке, какой принят в современной историографии, с акцентом на используемой ею исследовательской процедуре и выработке иной. Пытаться установить прообраз Куриация Матерна, выявить идейное содержание его речей и их соотношение со взглядами Тацита, связать их с историческим контекстом можно и на основе последовательного, аналитического рассмотрения этих вопросов, исключающего использование гипотетических данных в аргументации и смешение одного вопроса с другим. Лишь достигнув достаточно надежного понимания текста на основе его самого, можно пытаться определять цели автора, его политические убеждения в момент создания сочинения, т.е. интерпретировать диалог в целом, в контексте политической истории того времени. Исключение синтетического подхода может, думается, существенно облегчить последнюю задачу.

1. КУРИАЦИЙ МАТЕРН: ГЕРОЙ ТАЦИТА И ЕГО ПРОТОТИП

Проблема идентификации Куриация Матерна с конкретным историческим лицом традиционно считается краеугольной в интерпретации его речей. Тот ли это Матерн, что был убит по приказу Домициана в 91–92 г. (Dio Cass. 67.12.5)⁴ или другой⁵, погиб ли он вскоре после опубликования своего «Катона», в 74–76 гг.⁶, или мог остаться

³ Важность соблюдения границ допустимого в отождествлении гипотетических и подлинных фактов, особенно актуальная в исследовании наследия Тацита, подчеркивалась в рецензии Г.С. Кнабе на кн.: Laugier J.-L. Tacite. P., 1969 // ВДИ. 1970. № 2. С. 216 сл.

⁴ Wissowa G. Curiatius Maternus // RE. IV. Sp. 1834; Norden E. Die antike Kunstprosa. Bd I. Lpz., 1898. S. 324; Reitzenstein R. Bemerkungen zu den kleinen Schriften des Tacitus // GGN. 1914. S. 193; Paratore E. Tacito. Milano, 1951. P. 193; Matthiesen K. Der Dialogus des Tacitus und Cassius Dio. 67.12 // L'antiquité classique. 1970. XXXIX. P. 168–177; Barnes T.D. Curiatius Maternus // Hermes. 1981. 3. S. 383; idem. The Significance of Tacitus' Dialogus de oratoribus // HSCP. 1986. 90. P. 238–244.

⁵ Gudeman A. Cornelii Taciti Dialogus de oratoribus mit Commentar. Lpz., 1914. S. 37 ff., 67; Häussler. Op. cit. S. 196 f.; Heubner H. Nachwort // Günther R. Kommentar zum Dialogus de oratoribus. Göttingen, 1980. S. 199; Heldmann K. Antike Theorien über Entwicklung und Verfall der Redekunst. München, 1982. S. 262.

⁶ Cameron A.D.E. Tacitus and the Date of Curiatius Maternus' Death // CIR. 1967. 17. P. 258–261; Hass-von Reitzenstein U. Beiträge zur gattungsgeschichtlichen Interpretation des Dialogus 'de oratoribus'. Cologne, 1970. S. 37; Williams G. Change and Decline. Berkeley – Los Angeles, 1978. P. 34; Murgia C.E. The Date of Tacitus' Dialogus // HSCP. 1980. 84. P. 122; Luce T.E. Reading and Response in Dialogus // Tacitus and the Tacitean Tradition. Princeton, 1993. P. 24.

жив⁷, – на все эти вопросы исследователи отвечают по-разному, но все согласны, что от того, как сложилась судьба реального, исторического Матерна, зависит не только истолкование его слов о близкой кончине (13.6) как иронии или как *vaticinium ex eventu*, но и понимание идейной направленности диалога в целом⁸. Порой, однако, заключают, что решить этот вопрос при современном состоянии источников невозможно⁹, и предпочитают видеть в Матерне лишь литературный персонаж, выводя свое понимание диалога из этой гипотезы.

В качестве источников по проблеме традиционно используются данные Тацита, Диона Кассия и эпитафии. Р. Сайм, ссылаясь на Марциала, справедливо замечает, что некий Куриаций, утонувший в Тибре ок. 88 г. (Mart. IV. 60), вряд ли имеет отношение к Матерну Тацита¹⁰. Между тем, у Марциала трижды встречается некий Матерн (I. 96; II. 74; X. 37). Можно ли отождествлять его с героем диалога «Об ораторах»?

Конечно, уже в начале XX в. было известно не менее 159 надписей с упоминанием этого имени, в том числе 32 – из Рима, но лишь в двух из них фигурировал Куриаций Матерн¹¹. Тем не менее, вряд ли все они датируются 70–90-ми годами I в. н.э., если вообще поддаются точной датировке. Стоит ли игнорировать данные Марциала, чей писательский дар расцвел именно при Флавиях, лишь потому, что в них отсутствует помет персонажа, и ставить Матерна-адвоката (Mart. II. 74), друга и земляка поэта (X. 37), в один ряд с астрономом и математиком середины IV в. Фирмиком Матерном, как это делает А. Гудеман? Данные Диона Кассия также включают лишь *согномен*, род занятий, дату и причину гибели¹², а сколько споров они вызывают! Объяснимо это разве что соблазном непременно видеть в герое Тацита жертву тирании.

Слова Мессалы в диалоге показывают, что все три его собеседника происходят из провинций (28.3). Апри и Секунд – выходцы из Галлии, правда, из какой именно, не вполне ясно. Что же касается Матерна, то Р. Сайм считает, что двум-трем галлицизмам в его речи не следует придавать большого значения, и приводит данные, показывающие распространенность этого *согномена* и в Галлии, и в Испании, но заставляющие предполагать связь сенаторского рода Куриациев Матернов именно с Испанией¹³. Автор «Катона», таким образом, вполне мог быть земляком Марциала. Надпись из небольшого испанского городка Лирия с упоминанием Марка Корнелия Нигрина Куриация Матерна, консула-суффекта 83 г., наместника Мезии и Сирии (AE. 1973. № 283), по предположению Т.Д. Барнса, имеет в виду героя Тацита¹⁴. Друг Марциала (I. 96.5, 8) тоже был родом из Испании¹⁵.

Публикация надписи оживила давнюю дискуссию. В связи с тем, что идентичность испанского происхождения трех Матернов была признана всеми исследователями, особое значение должен иметь вопрос о возрасте героя Тацита, так как именно высказанное ранее Р. Саймом предположение, что Матерн – один из самых старших

⁷ Syme R. Tacitus. V. I–II. Oxf., 1958. I. P. 110 f.

⁸ Zechner I. Hat Tacitus seine politische Überzeugung geändert? // WS. 1936. 54. S. 116; Drexler H. Zu Tacitus' Dialogus und Sallust // Maia. 1962. I. S. 18; Matthiesen. Op. cit. S. 177; Cameron. Op. cit. P. 261.

⁹ «Куриаций Матерн, Марк Апри почти или полностью не поддаются отождествлению с конкретными лицами» (Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 147). Ср. с. 158: «...два главных действующих лица... не упоминаются ни в одном из многочисленных источников по флавианской эпохе и, таким образом, почти определенно относятся к лицам вымышленным».

¹⁰ Syme. Tacitus. I. P. 19. Иная точка зрения представлена в работе: Herrmann L. Encore le 'Dialogue des Orateurs' et Quintilien // Latomus. 1965. P. 849; ср. также: Paratore. Tacito. P. 193 f. Впоследствии этот факт вновь привлек к себе внимание Р. Сайма, признавшего все же, что возможность идентичности этих Куриациев остается (Spaniards at Tivoli // Syme R. Roman Papers. IV–V. Oxf., 1988. (Далее – RP). IV. P. 107). Однако одного *poena gentile* для отождествления в данном случае явно недостаточно.

¹¹ Gudeman. Op. cit. S. 38. Имя «Куриаций», по Р. Сайму, было тогда крайне редким и встречается в надписях лишь четыре раза (Spaniards... P. 107).

¹² Μάτερνον δὲ σοφιστὴν, ὅτι κατὰ τυράννων εἰπέ τι ἀσκῶν ἀπέκτελλε (Dio Cass. 67. 12. 5).

¹³ Syme. Tacitus. I. P. 798 f.; *idem*. 'Donatus' and the like // Historia. 1978. 27. Ht 4. S. 588.

¹⁴ Barnes. The Significance... P. 241.

¹⁵ Syme. Spaniards... P. 109.

персонажей диалога, роковым образом повлияло на последующую историографию и вынудило видеть в герое испанской надписи приемного¹⁶ или родного сына или племянника¹⁷ героя диалога, но никак не его самого¹⁸.

Матерн Тацита был, судя по всему, несколько моложе Апра, но старше Мессалы: Апр считает себя вправе «поричать» его, скорее всего, в силу старшинства, за намерение оставить форум и ораторское искусство, которое «могло бы» принести ему множество выгод и преимуществ и облегчить прохождение должностной карьеры (5.4); видимо, Матерн не достиг еще не только «вершины славы и почестей», хотя, по его собственным словам, и «начал восхождение к ней» (11.2), но и преторского ранга Апра. В то же время он был уже довольно известен и «достаточно пролил пота на форуме» (4.2); к Мессале он обращается покровительственно и с некоторым снисхождением (16). Нет, таким образом, никаких оснований считать его ровесником Апра, как это делает Р. Сайм¹⁹, или самым старшим из персонажей диалога²⁰.

Апр, видевший в Британии 120-летнего ветерана войны с Цезарем (17.4), видимо, служивший там в качестве военного трибуна в 43 г.²¹, родился, скорее всего, около 25 г. Секунда, своего лучшего друга и ровесника (Inst. orat. X. 3. 12), Квинтилиан (род. в начале 30-х годов²²) всегда ставит в хронологическом ряду других ораторов сразу после Вибия Криспа (Inst. orat. X. 1. 120; XII. 10. 11). Апр считает последнего, как и Эприя Марцелла, образцом для подражания (5.7; 8.1 sqq.). Тацит говорит о двух поколениях ораторов в Риме: quo modo senes nostri Marcellum, Crispum, iuvenes Regulum imitentur (Hist. IV. 42. 5). Апр и Секунд, столь тесно связанные друг с другом композиционно, что трудно отделить одного от другого²³, принадлежат, таким образом, к поколению старшему. Мессала, бывший трибуном легиона в 69 г. (ibid. III. 9. 3),

¹⁶ Alföldy G., Halfmann H. M. Cornelius Nigrinus Curiatius Maternus, General Domitians und Rivale Trajans // Chiron. 1973. Bd 3. S. 345, 347; Alföldy G. Römische Heeresgeschichte. 1987. S. 153 ff.

¹⁷ Наместник Сирии не мог быть Корнелием Нигрином, усыновленным Куриацием Матерном, в силу закона образования римского имени, обнаруженного еще Т. Моммзенем (Zur Lebensgeschichte des Jüngeren Plinius // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd 4. B., 1906. S. 398). Именно поэтому авторы более поздних исследований в области римской ономастики сочли его родным сыном или племянником по матери персонажа диалога (Syme R. Clues to Testamentary Adoption // RP. IV. P. 162; idem. The Paternity of Polyonymous Consuls // RP. V. P. 641; Salomies O. Adoptive and Polyonymous Nomenclature in the Roman Empire. Helsinki, 1992. P. 132). Твердые критерии, позволяющие уверенно отделить усыновленных от принявших материнское имя лишь на основе норм ономастики, так и не были выявлены (Salomies. Op. cit. P. 58 f.), скорее всего, их и не было (ibid., p. 2), поэтому возможность усыновления, но уже Куриация Матерна Корнелием Нигрином, все-таки остается (ibid., p. 75). Об обычных в то время сокращениях римских имен см. Mommsen. Op. cit. S. 410 f. Определенной закономерности в выборе того или иного компонента полного имени как основного обнаружено не было, часты были «неверные» сокращения полных имен (Salomies. Op. cit. P. 90, 92). В историографии предпочтение оказывается имени «Корнелий Нигрин», но основано оно на произвольном (ibid., p. 75) допущении, что Корнелий Нигрин – имя «настоящее» («the real name»), так как оно является отцовским (cf. CIL XIV. 4725).

¹⁸ Т. Барнс – единственный, кто отважился на подобную идентификацию (Curiatius... P. 382 ff.), но, оставшись под влиянием образа Матерна как жертвы тирании, он вынужден был пытаться привязать сирийское наместничество, о котором сообщает надпись, к более раннему времени, нежели 96–98 годы, что противоречит данным эпиграфики (Eck W. Jahres- und Provinzialfasten der senatorischen Statthalter von 69/70 bis 138/139 // Chiron. 1982. 12. S. 324; Thomasson B.E. Laterculi praesidum. Göteborg, 1984. Sp. 29). Сама идея такой идентификации была отвергнута лишь потому, что «герой Тацита погиб в 92 г.» (Alföldy, Halfmann. Op. cit. S. 346) – предположение далеко не бесспорно, вытекающее скорее из желания облегчить интерпретацию речей Матерна в диалоге, нежели из конкретных данных. Определенную роль сыграло и распространенное в историографии 60–70-х годов противопоставление узкой группы специалистов в военном деле (viri militares) всем остальным сенаторам (о его необоснованности см. Campbell B. Who were the «viri militares»? // JRS. 1975. 65. P. 11 ff.).

¹⁹ Syme. Tacitus. I. P. 108.

²⁰ Matthiessen. Op. cit. S. 171.

²¹ Syme. Tacitus. II. P. 799.

²² К началу или середине 30-х годов относят дату рождения Квинтилиана Ж. Кузэн (ок. 30 г.) в своем предисловии к изданию Квинтилиана (Quintilien. Institutio oratoria. T. 1. P., 1975. P. XIII ff.), М. Кларк (ок. 33 г.: Clarke M.L. Quintilian. A Biographical Sketch // Greece and Rome. 1967. XIV. P. 27) и Швальбе (ок. 35 г.: Schwalbe. Fabius (137) // RE. VI. 2. Sp. 1847); более поздний вариант датировки – начало 40-х годов – дает Кеннеди (Kennedy G. Quintilian. N.Y., 1965. P. 15).

²³ Güngerich. Op. cit. S. 10.

выступал в 70 г. в сенате, защищая своего сводного брата Регула, не достигнув еще возраста сенатора, т.е. 25 лет (Hist. IV. 42. 1). Матерн ко времени действия диалога не был ни «юношей» (iuvenis), ни «стариком» (senex): если бы ему, как Апру, было к 74 г. за пятьдесят, то упреки последнего были бы лишены всякого смысла – otium его не был бы сочтен современниками за проявление *desidia*²⁴. Вероятная дата рождения Матерна – героя диалога – 35–40-е гг.; наместника Сирии – ок. 40 г.²⁵; поэтому трудно не признать правомерным предположение Т.Д. Барнса об их идентичности. Но Марциал также родился примерно в 38–41 гг., и его друг Матерн, видимо, был ему ровесник. Упоминания Матерна у Марциала относятся к началу ораторской деятельности первого (ранние эпиграммы, посвященные ему, написаны, скорее всего, еще до публикации первой книги эпиграмм, т.е. до 84–85 гг.) и вершине его карьеры (97–98 гг., отъезд Марциала в Испанию). Друг Марциала – известный адвокат конца I в.; обращаясь к нему, поэт восклицает:

iuris et aequarum cultor sanctissime legum,
 veridico Latium qui regis ore forum (X. 37. 1–2)
 Права блюститель, знаток добросовестный строгих законов,
 Слову чьему доверять форум латинский привык...

(Пер. Ф.А. Петровского)

Стать оратором, выступать с речами в Риме, в том числе в суде, мог лишь человек, занимающий определенное общественное положение²⁶. И приятель Марциала, и персонаж Тацита обладали им в равной мере, не говоря уже о герое испанской надписи. Круг, в котором следует искать Матерна Тацита, может быть сужен с 600 сенаторов до 50–80 человек, ибо число преториев-ровесников в середине 70-х годов не могло превышать эту цифру. Вероятность, что среди них было два «Куриация Матерна», крайне низка, хотя и остается. Много ли в Риме того времени могло быть Матернов-ораторов? Один – друг Марциала, другой – герой Тацита; два земляка, ровесника, сенатора, почти одновременно начавших свою карьеру и ставших известными адвокатами своего времени (а ведь Тацит подчеркивает, что хорошие стряпчие в Риме наперечет, все знают их в лицо – 7.1), у которых к тому же общий круг знакомых²⁷! Совпадений слишком много, даже отсутствие *nomen gentile* у Марциала, кажется, не должно мешать тому, чтобы счесть эти два персонажа одним лицом.

Матерн, упомянутый Дионом Кассием, – профессиональный декламатор и школьный учитель, среди наиболее именитых жертв Домициана, перечисленных Светонием (Domit. 10), его нет, т.е. личность это малоизвестная²⁸. У Диона он фигурирует среди астрологов, блудниц и проститутинов (67. 12. 1–4), и предположение Т.Д. Барнса, что Матерн Тацита, Диона Кассия и испанской надписи – одно лицо, явно противоречит ходу мысли греческого историка, ибо наместник Мезии и Сирии никак не вписывается в этот ряд. Попытка объяснить эпитет σοφιστής (именно так определяет Матерна Дион) стремлением последнего преуменьшить размах репрессий Домициана²⁹ кажется неубедительной, как и предположение, что поэт и оратор эпохи Веспасиана, попав в опалу, оставил и форум, и поэзию³⁰.

²⁴ Ср. жалобы сорокалетнего Плиния: *Quando secessus mei non desidia nomen, sed tranquillitatis accipiet?* (Plin. Ep. IV. 23. 4). Образец для него – Т. Помпоний Басс, удалившийся на покой после консульства (cos. suff. 94 г.) и, по крайней мере, двухкратного (*Eck. Jahres- und Provinzialfasten... // Chiron. 1983. 13. S. 207*) управления провинцией: *Ita senescere oportet virum, qui magistratus amplissimos gesserit, exercitus rexit totumque se rei publicae, quamdiu decebat, obtulerit* (Plin. Ep. IV. 23. 2). Аналогична позиция Апра в диалоге: *Securus sit... et Saleius Bassus et quisquis alius studium poeticae et carminum gloriam fovet, cum causas agere non possit* (5.3); cf. *Quint. X. 1. 90: vehemens et poeticum ingenium Saleii Bassi fuit, nec ipsum senectute maturum.*

²⁵ Barnes. *The Significance...* P. 239.

²⁶ Büchner K. *Studien zur römischen Literatur.* Bd IX. Wiesbaden, 1978. S. 31 f.

²⁷ Марциал заискивал перед сводным братом Мессалы, Регулом, был знаком с Плинием Младшим; и поэту, и автору знаменитых писем были известны родственники Апра, если не он сам. Одну из своих эпиграмм Марциал посвятил и Квинтилиану, другу Секунда.

²⁸ Gudeman. *Op. cit.* S. 38 f.; Drexler. *Op. cit.* S. 18.

²⁹ Barnes. *The Significance...* P. 242.

³⁰ Häussler. *Op. cit.* S. 196 f.

С другой стороны, версия гибели Матерна вскоре после публикации его «Катона», в 74–76 гг., в основе которой – то, что действие некоторых диалогов Цицерона (*De oratore*, *De re publica*) приурочено ко времени, непосредственно предшествующему смерти главного действующего лица³¹, тоже имеет слабую сторону: диалог Тацита отличается от трактатов Цицерона тем, что толчком к развитию действия в нем служит конкретный повод – драматическое сочинение Матерна задело неких высокопоставленных особ. Да и можно ли на основании лишь двух диалогов Цицерона и «Сатурналий» Макробия говорить об «античной традиции»?

Бесконечные поиски кандидата в «жертвы тирании» – пусть даже «жертвоприношение» оказывается отстоящим от времени действия диалогов на 15 или 20 лет, бесконечные натяжки – попытки сместить это событие в середину 70-х годов, говорят лишь об одном: данных Диона Кассия недостаточно, да и прогнозировать судьбу героя Тацита после 74 г. на основе одного лишь диалога нет реальных оснований. История с «Катоном» не обязательно должна была кончиться гибелью Матерна: даже Гельвидий Приск был сначала сослан и лишь затем убит, и то, как уверяет Светоний, по ошибке (*Vesp.* 15). Иной вариант развития событий предлагает Р. Сайм: диалог, по его мнению, содержит намек на гибель Эприя Марцелла, а не Матерна³².

Более вероятно, таким образом, что у Тацита имеется в виду Матерн Марциала, а не Диона Кассия. Последнее упоминание Матерна у сатирика относится к 97–98 гг. Герой диалога «Об ораторах» мог не только счастливо избежать репрессий Домициана, но и благополучно дожить до конца I в., сделав при Флавиях блестящую карьеру и достигнув вершины, стремиться к которой призвал его Април, – управления провинциями (5.4)³³. В этом отношении судьба его была бы схожа с судьбой Тацита и других «людей третьей силы», по словоупотреблению Г.С. Кнабе³⁴. Данные диалога не могут быть истолкованы как свидетельство распространения настроений абсентизма³⁵ среди римских сенаторов той поры и, напротив, могут говорить об обратном, если признать, что слова Матерна могли остаться лишь словами. Гипотетически восстанавливаемая дальнейшая судьба тацитовского героя не может служить аргументом в пользу гипотезы об иронии автора в диалоге, хотя и не опровергает ее ни в коей мере. Вкладывает ли Тацит в речь своего героя иронический смысл³⁶, или ее следует понимать буквально, как полное признание политической реальности того времени, как оправдание установления единовластия в Риме интересами мира и общественного спокойствия в духе современной ему идеологии³⁷, – вопрос, ответ на который не должен зависеть от предположений о судьбе реального прототипа героя Тацита. Опасность опоры лишь на просопографические реконструкции подчеркивалась М.Л. Гаспаровым: их «неизбежная зыбкость» виной тому, что «слишком многое приходится предполагать и домысливать, из малых гипотез вырастают большие гипотезы, и даже... важные эпизоды... оказываются, в конечном счете, восстановленными правдоподобно, но недоказуемо»³⁸. Это лишний раз подтверждает, что интерпретировать текст лучше лишь на основе его самого, вне связи с внешним контекстом, являющимся, как правило, всего лишь реконструкцией, пусть иногда и убедительной.

³¹ *Cameron*. Op. cit. P. 258–261.

³² *Syme*. Tacitus. I. P. 111; II. P. 799.

³³ Это, разумеется, не исключает возможности изгнания и немилости при Веспасиане, однако источники не предоставляют никаких сведений об этом.

³⁴ *Кнабе Г.С.* Спорные вопросы биографии Тацита. *Cursus honorum* // ВДИ. 1977. № 1. С. 139.

³⁵ Ср., например: *Michel A.* Le Dialogue des Orateurs' de Tacite et la philosophie de Cicéron. P., 1962. P. 96.

³⁶ *Köhnken A.* Das Problem der Ironie bei Tacitus // МН. 1973. 30. S. 35; *Syme R.* Tacitus und seine politische Einstellung // Tacitus / Hrsg. von V. Pöschl. Darmstadt, 1969. S. 196; *idem.* The Augustan Aristocracy. Oxf., 1986. S. 454; *Büchner K.* Imperium nullum nisi unum // L'Idéologie de l'impérialisme romain. Colloque. Dijon, 1972. P., 1974. P. 142 f.

³⁷ *Reitzenstein R.* Tacitus und sein Werk // Neue Wege zur Antike. IV. Lpz–B., 1926. S. 8 f.

³⁸ *Гаспаров М.Л.* Новая зарубежная литература о Таците и Светонии // ВДИ. 1964. № 1. С. 180.

Матерн в своей заключительной речи с воодушевлением приветствует установление империи, являясь убежденным приверженцем монархии, – таков вывод Р. Райценштайна³⁹, сторонника буквального прочтения диалога. Разительный контраст, возникающий при такой интерпретации, между идейной направленностью диалога и других, в том числе и близких по времени, трудов Тацита ее сторонники объясняли своего рода «раздвоением сознания» автора, его попыткой сгладить противоречия действительности, соединить несовместимое – *principatus ac libertas*, найти оправдание несоответствию между своей политической деятельностью и взглядами, изложенными в более поздних исторических трудах⁴⁰, наконец, в них усматривали проявление диалектического взгляда Тацита на ход истории⁴¹. Их оппоненты отмечали, что данная точка зрения основана на буквальном понимании текста и не объясняет, во-первых, почему в речи главного героя диалога высокая оценка роли принцепса совмещается со столь же высокой оценкой роли сената; во-вторых, каким образом автор трагедии «Катон», поплатившийся, как предполагалось, за нее (или вообще за свои убеждения) головой, мог прийти к поддержке принципата⁴². Была выдвинута гипотеза об иронии Матерна, согласно которой слова его не следует принимать всерьез. Одни авторы говорят об иронии «легкой»⁴³ и даже «шутливой»⁴⁴, другие – о «суровой», «обличающей» и «трагической»: отпечаток драматизма, усугубляемого «реальными событиями», – предполагаемой гибелью Матерна либо при Веспасиане, либо при Домициане, лежит на всем диалоге⁴⁵. Однако нет достаточных оснований утверждать, что Матерн стал жертвой репрессий при Флавиях, а именно этот тезис лежит в основе данной гипотезы. Для сторонников ее не ясен вопрос о степени иронии – идет ли речь о трагизме или «легком юморе». Их справедливо упрекали в бездоказательности, в стремлении объяснять подобным образом все непонятное у Тацита⁴⁶. Действительно, в большинстве случаев они основываются лишь на интуиции, не приводя в пользу своей точки зрения никаких аргументов.

Из этого правила, правда, есть и исключения: была предпринята попытка сравнить теоретические положения диалога с фактами, известными из исторических трудов самого Тацита, в первую очередь, из «Анналов»⁴⁷, выявив таким путем противоположность высказывания реальности, составляющую суть иронии⁴⁸.

Однако и на эти аргументы у сторонников противной точки зрения нашлись

³⁹ Reitzenstein. Tacitus. S. 8 f.

⁴⁰ Klingner F. Römische Geisteswelt. Munich, 1961. S. 493. См. также Wirszubski Ch. Libertas as a political idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr., 1968. P. 161; Flach D. Tacitus in der Tradition der antiken Geschichtsschreibung. Göttingen, 1973. S. 207; Vielberg M. Pflichten, Werte, Ideale: Eine Untersuchung zu den Wertvorstellungen des Tacitus. Stuttgart, 1987. S. 74 f.

⁴¹ Knaбе Г.С. К биографии Тацита. Sine ira et studio // ВДИ. 1978. № 2. С. 126, 129 сл.; он же. Корнелий Тацит. С. 156; Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 68; Döpp S. Nec omnia apud principes meliora: Autoren des früheren Prinzipats über die eigene Zeit // RhM. 1989. CXXXII. 1. S. 91; idem. «Zeitverhältnisse und Kultur» im taziteischen Dialogus // Prinzipat und Kultur im 1. und 2. Jh. Bonn, 1995. S. 223 f.

⁴² Zechner. Op. cit. S. 116 f.

⁴³ Syme. The Augustan Aristocracy. P. 454.

⁴⁴ Robin P. L'ironie chez Tacite. V. 1. Lille, 1974. P. 96; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 507.

⁴⁵ Zechner. Op. cit. P. 116 f.

⁴⁶ Häussler. Op. cit. S. 211.

⁴⁷ Büchner. Imperium nullum... P. 142. f.; Köhnken. Op. cit.

⁴⁸ Подобного рода параллели можно найти и в речах собеседников Матерна: так, слова о редких и отнюдь не вопиющих преступлениях, совершаемых в эпоху империи, также опровергаются содержанием «Анналов»: убийство Нероном матери и брата – злодеяния того масштаба, о которых Мессала говорит, что они редки и никогда не обсуждаются на форуме; среди дел подобного рода он называет и инцест с матерью, возможно, намекая на слухи, ходившие о «подвигах» Нерона (35. 5). Но можно ли говорить в данном случае об иронии Мессалы, и если да, то насколько сознательно герой Тацита употребляет этот троп?

возражения: они подчеркивают, что мнение Матерна – это еще не мнение Тацита, поэтому сопоставление их идей не вполне корректно, что Матерн, наивный мечтатель и утопист, мог и не видеть горькой правды, которую сумел разглядеть пронизательный историк⁴⁹, что, наконец, правда эта и самому Тациту открылась не сразу, о чем и свидетельствует воодушевленное признание им новых, «монархических» порядков в самом раннем его сочинении – диалоге «Об ораторах»⁵⁰.

В пользу гипотезы об иронии Тацита в диалоге, однако, можно привести аргументы композиционного плана, которые кажутся более надежными, нежели основанные на догадках о судьбе главного героя или даже на сопоставлении реалий той эпохи, известных из других источников, с содержанием идей Матерна. «Ирония есть троп противоположности: говорящий намеренно употребляет вместо собственного выражения противоположное, истинный смысл которого виден из связи»⁵¹, т.е. из контекста, если не эпохи в целом, то самого произведения; выявление следов этой противоположности внутри самого диалога – единственный путь, которым можно доказать, что троп этот был сознательно использован Тацитом в речи Матерна. С какой же целью он был употреблен, и в какой мере автор разделял взгляды своего героя – особый вопрос, на котором необходимо остановиться отдельно.

Многочисленные параллели между первой и второй речами Матерна могут быть не случайными, а нести глубокую смысловую нагрузку, – такова особенность всякого художественного текста; кажущиеся повторы в них могут не противоречить друг другу, как считается⁵², а дополнять и развивать мысли Матерна. В любом случае, объяснять их следует, исходя из самого текста, а не апеллируя к внешним моментам, – в первую очередь это относится к попыткам доказать невосполнимую испорченность текста. Для обеих речей характерно повторение трех основных мотивов, причем последовательность их в целом совпадает:

1. Мотив личной (в первой речи) и общественной (во второй) безопасности, как цели человеческого существования⁵³.

2. Противопоставление счастливой жизни в мире и спокойствии всевозможным бедствиям и волнениям.

3. Идея «золотого века».

Внутренняя композиция обеих речей строится циклически, и там, и здесь автор последовательно переходит от первого мотива ко второму и третьему, затем вновь возвращается ко второму и, наконец, первому (1–2–3–2–1); вместе с тем чередование это происходит абсолютно синхронно и параллельно и в том, и в другом случае: 11. 3 – 37. 8⁵⁴ (первый мотив); 12. 1–2 – 38. 1–2; 40 (второй мотив); 12. 3–5 – 41. 2–3 (третий мотив); 13. 1–5 – 41. 4 (второй мотив); 13. 6 – 41. 5 (первый мотив). Эти совпадения не могут быть случайными, хотя композиция второй речи и кажется не такой стройной, как первой, из-за большего объема и развернутого иллюстрирования примерами основных ее положений, а также нарушения целостности текста. Между первой речью и сохранившимся заключением ко второй существует параллель в плане не только содержательном, но и композиционном.

В первой речи Матерн противопоставляет счастливое братство поэтов своекорыст-

⁴⁹ Martin R. Tacitus. Berkeley – Los Angeles, 1981. P. 46 f.

⁵⁰ Reitzenstein. Tacitus. S. 8.

⁵¹ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. М., 1938. С. 390.

⁵² Gudeman. Op. cit. S. 75. 174 ff.

⁵³ Важность этого мотива и его присутствие в обеих речах Матерна отмечалось в ст.: Merklin H. Probleme des 'Dialogus de oratoribus'. Möglichkeiten und Grenzen ihrer methodischen Lösung // Antike und Abendland. 1988. S. 186. Хотя анализ внутреннего контекста и был провозглашен автором целью исследования, он быстро сбивается на поиск внешних параллелей тексту диалога и не останавливается дольше на композиции речей.

⁵⁴ Начало второй речи утрачено, гл. 36–39 – развернутая характеристика ораторского искусства республиканской поры, в которой начинают проследиваться эти мотивы.

ному и кровавому миру ораторов, полному забот и опасностей:

12.1	<i>loca pura</i>	–	<i>loca impura</i>
13.1	<i>felix poetarum contubernium</i>	–	<i>inquieta et anxia oratorum vita</i>
ibid.	<i>securum et quietum secessum</i>	–	<i>certamina et pericula oratorum vitae</i>
13.5	<i>dulces Musae</i>	–	<i>insanum et lubricum forum</i>

Однако понимание поэзии как орудия политической борьбы, которое отнюдь не вносит в жизнь Матерна больше спокойствия и, напротив, чревато еще большими опасностями, чем ораторское искусство (10. 5, 7), явно противоречит той радужной картине, которую он рисует в своей речи, что заставляет предполагать в данном случае иронию над тем пониманием роли поэтического творчества, которое сложилось в эпоху Августа⁵⁵.

Вторая речь построена на противопоставлении беспокойной и кровавой эпохи гражданских войн якобы существующему в I в. н.э. «миру» и «спокойствию»:

37. 7	<i>pax</i>	37.7	<i>bellum</i>
36. 2	<i>composita et beata res publica horum temporum</i>	36. 2	<i>illa perturbatio ac licentia</i>
		36. 3	<i>accusationes, inimicitiae, adsidua certamina</i>
38. 2	<i>longa temporum quies et continuum populi otium, et adsidua senatus tranquillitas et maxima principis disciplina ipsam quoque eloquentiam sicut omnia alia depacaverat</i>	37. 6	<i>turbida et inquieta tempora</i>
		40. 1	<i>contiones adsiduae ... datum ius potentissimum quemque vexandi atque ipsa inimicitarum gloria ... invidia</i>
		40. 2	<i>non de otiosa et quieta re loquimur, sed est magna illa ... eloquentia alumna licentiae etc.</i>
41. 5	<i>bonum saeculum nostrum, magna quies</i>	40. 4	<i>nulla in foro pax, nulla in senatu concordia, nulla in iudiciis moderatio, nulla superiorum reverentia, nullus magistratum modus</i>

Образ «жаждущего крови и наживы» ораторского искусства эпохи империи, создаваемый Матерном в первой речи (12. 2), противоречит рисуемой им же картине всеобщего мира и согласия, якобы установившегося тогда, и, напротив, соотносится с изображением республиканской эпохи – времени, когда каждый стремился «урвать для себя побольше» (36. 2). Объективно содержащаяся в диалоге информация не позволяет сделать вывода о каких-либо существенных изменениях места и значения ораторского искусства в жизни Рима: оно по-прежнему продолжало играть значительную роль. Косвенно это подтверждает и Матерн: он замечает, что еще многое осталось в его времени от прежнего, республиканского форума (41. 1). Оценка

⁵⁵ Формулировки, в которых Матерн описывает сущность поэзии, ее роль, восходят к поэтам эпохи Августа (*Gideman*. Op. cit. S. 278 f.). С одной стороны, в этом можно видеть дань традиции и воспринимать ссылки на Вергилия метафорически, в частности, считать «Музы» Вергилия (13. 1) символом внутренней свободы поэта (*Heldmann*. Op. cit. S. 26), но, с другой, – столь разительные противоречия между пониманием роли поэта и поэтического творчества у Вергилия и Матерна, автора политических трагедий, между их образом жизни – уединением в тиши и спокойствии Вергилия, к которому на словах присоединяется и герой Тацита, и бурной политической деятельностью последнего, теми опасностями, которые с ней связаны, – все это предполагает скрытую иронию и иное понимание смысла и сути поэтического творчества, отличное от принятого у поэтов Августовского века (о нем см. *Гаспаров М.Л.* Послание Горация к Августу // ВДИ. 1964. № 2. С. 68, 73; *он же.* Поэт и поэзия в римской культуре // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 326 сл.) и более близкое тому, что получило распространение в рядах стоической оппозиции в середине I в. н.э. (*Michel A.* Le style de Tacite et sa philosophie de l'histoire // *Eos*. 1981. LXIX. P. 285).

поздней республики как поры беспокойной, немирной, таким образом, соотносится им с оценкой римского форума I в. н.э. в первой его речи; если в ней Матерн отвечает Апру на его панегирик современному им ораторскому искусству, и ответ его сводится к тому, что это весьма грязное занятие, то во второй своей речи он дает аналогичную отповедь Мессале, идеализирующему красноречие республиканской поры. Матерн, таким образом, равно обвиняет в «кровожадности» и «свокорыстии» ораторов и прошлого, и настоящего. Говоря во второй речи о некоем «счастливом», «мирном» и «безмятежном» времени, Матерн противопоставляет его эпохе, в которой царят зависть, борьба и взаимные обвинения, и хотя прямо в данной связи говорится о республике, подразумевается и империя I в. н.э. В своем сознании он объединяет век нынешний и век минувший, республику и империю, ибо «золотой век» римской истории не имеет к ним никакого отношения.

Эта оценка римского форума I в. н.э. как мало чем отличающегося от форума республиканской эпохи, отнюдь не мирного, отнюдь не безопасного, заставляет видеть во второй речи Матерна, как и в первой, иронию над представлениями об эпохе империи как о времени всеобщего счастья и спокойствия, – здесь, как и там, идеальный план противопоставлен реальному, выявляемому из контекста. И в том, и в другом случае речь идет об иронии по поводу официальной точки зрения: идейные установки произведений Вергилия стали практически идеологической программой для ранней империи⁵⁶, понятия *paх* и *securitas* были ключевыми в ее идеологии⁵⁷.

Истинное отношение Матерна к идее «мира» и «безопасности» видно из того, что за характеристикой I в. н.э. как эпохи спокойствия следуют слова о *continuum populi otium*, который собеседники только что осудили (38. 2). Не соответствует прежним рассуждениям Матерна (27. 3) и оценка *libertas* как *licentia* (40. 2). Идет ли в данном случае речь о попытке свести воедино несовместимые понятия, о признании суровой исторической необходимости отказаться от прежних свобод под напором обстоятельств, ради поддержания общественного согласия, как предполагает Ф. Клигнер⁵⁸?

Очевидно, что представление о свободе как необходимом условии для развития таланта и понимание ее как «анархии» и «вседозволенности» трудно совместимы. Об этом же свидетельствует и трактат «О возвышенном», где эти взаимоисключающие точки зрения противопоставлены друг другу. Согласно первой из них, более распространенной, по словам автора трактата (*De subl.* 44.1) и, предположительно, восходящей к Филону Александрийскому⁵⁹, демократия и свобода – необходимые условия существования большого искусства (44. 2), рабство же способно породить лишь льстецов (44. 3–4). Аналогичны и воззрения Матерна в первой его речи: власть доносчиков Эприя Марцелла и Вибия Криспа подобна власти вольноотпущенников, их нельзя считать свободными людьми (*Dial.* 13. 4).

С другой стороны, в исчезновении больших талантов автор трактата «О возвышенном» видит закономерное следствие установления мира; лишь война, по его мнению, порождает великие дарования (*De subl.* 44. 6). Возвращение к былой свободе приведет к взрыву дурных страстей, к раздорам, оно равносильно отказу от мира (44. 10) и, как, судя по всему, предполагается, от добрых нравов. И эта точка зрения представлена у Матерна: «Лишь глупцы, – говорится во второй его речи, – называют вседозволенность свободой» (*Dial.* 40. 2); война порождает больше хороших бойцов, чем мир (37. 7), ораторы не нужны в обществе, в котором царят добрые нравы и послушание власть имущим (*minor oratorum honor ... inter bonos mores et in obsequium*⁶⁰ *regentis paratos* – 41. 3). У Матерна эти рассуждения тесно связаны с официальной концепцией мира и «золотого века», источник этих представлений – идеология I в. н.э.

⁵⁶ Klein R. *Einleitung // Principat und die Freiheit*. Darmstadt, 1969. S. 8 f.

⁵⁷ Kunkel W. *Zum Freiheitsbegriff der späten Republik // Ibid.* S. 88.

⁵⁸ Klingner. *Römische Geisteswelt*. S. 454 f.

⁵⁹ Norden. *Op. cit.* S. 482.

⁶⁰ Понятие *obsequium* тесно связано у Тацита с понятием *servitus*; Vielberg. *Op. cit.* S. 197.

Идея «золотого века», сформулированная в диалоге и «Анналах» Тацита, существенно отличается от признанной официально: если идеология связывала «золотой век» с конкретной эпохой в истории Рима – временем правления того или иного императора, то Тацит ограничивает его лишь доисторическими временами; республику и империю в его представлении равно объединяет утрата изначальной непорочности «первородных смертных» и потребность в законах (12. 2; ср. также Тас. Апп. III. 26), – таковы взгляды Матерна в первой его речи. В заключении же ко второй (41. 1 sqq.) мотив этот так влетает в рассуждения Матерна, что не ясно, рассуждает ли он вообще или характеризует современную эпоху (41. 3); следующее затем восхваление современности заставляет предполагать последнее. Но как отличается этот «золотой век» империи от идеала, о котором Матерн повествует в 12-й главе! Если когда-то не было необходимости ни в ораторском искусстве, ни в законодательстве (Апп. III. 26), ибо далекие предки римлян не знали порока, были невинны и отличались добрым нравом (12. 2), то ныне *severissimae leges* требуют неукоснительного повиновения правителю (*severissima disciplina* – 41. 3), именно в этом повиновении – залог невинности, именно оно обеспечивает «господство добрых нравов» и делает излишним ораторское искусство (*supervacuum esset inter innocentes orator..., minor oratorum honor... est inter bonos mores et in obsequium regentis paratos* – *ibid.*). Но этот «золотой век», с точки зрения Матерна, еще не достиг своего апогея, – ведь «что-то еще осталось от прежнего форума» (41. 1). Преступления пока еще случаются, но отнюдь не те, о которых говорит Мессала (вроде инцеста с матерью – 35. 5). Сколь разительный контраст с реальной опасностью, грозящей Матерну из-за публикации «Катона», образуют его слова о невинности, ограждающей лучше, чем искусство оратора (11. 3)!

По словам Матерна, отказ от былой свободы необходим ради общественной безопасности; свобода должна быть принесена в жертву интересам мира и спокойствия в «хорошо устроенном обществе» (40. 2). В качестве примера он приводит великие монархии, знаменитые своей военной мощью, к тому времени однако уже давно утратившие свое бывшее могущество (Персия и Македония покорились завоевателям, Спарта превратилась в захудалую деревню, от мощи Крита остались лишь легенды), – примеры эти говорят сами за себя, они содержат явный намек на фатальный исход римской истории. Соответственно в первой речи Матерн мечтает о личной безопасности, о жизни в тиши и уединении, но мысли его плавно перетекают в намеки на неминуемую кончину, и речь оканчивается словами о неотвратимости рока. Не исключено, что слова эти вовсе не являются свидетельством скорой гибели самого Матерна, как обычно считается в историографии, а приведены Тацитом специально, как намеренная параллель к его рассуждениям в 40-й главе. Фраза эта – «*Quandoque enim fatalis et meus dies veniet*» («Смертный и мой день грядет, рок не минует меня») – поразительно напоминает знаменитые слова из Гомера (II. VI. 448), которые цитировал Сципион Африканский, глядя на руины только что разрушенного Карфагена и размышляя о грядущей судьбе Рима (Polyb. XXXIX. 6; App. Punic. 132):

ἔσεται ἦμαρ ὅταν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρῆ
καὶ Πριάμος καὶ λαὸς εὐμμελίῳ Πριάμοιο.
Будет некогда день, как погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

(Пер. В. А. Жуковского)

Слова, приписываемые Сципиону, фигурируют в греческой традиции во вполне определенном контексте: размышляя о непрочности любого политического образования, авторы приводят в пример гибель Трои, Ассирии, Мидии и Персии. Матерн, римлянин, добавляет и дорогие грекам примеры: Крит, Спарта. Но не боится он намекнуть и на вечность Рима и указать на причину близкого, по его мнению, краха. Намек этот ясно виден из параллелей композиционного строения и обеих речей в целом, и их концовок, где накал достигает своей кульминационной точки. Финал первой речи ознаменован резким переходом от сравнительно нейтральной сти-

лирически прозы к цепи антитестически заостренных риторических вопросов (13. 4), повышению стиля (цитаты из Вергилия – 13. 5), черед «заклинаний», обращенных оратором к себе самому (13. 6), и выходу на *quandoque enim fatalis...* (13. 6). Аналогично в финале второй речи цель риторических вопросов, по смыслу охватывающих ситуацию в Риме в целом (41. 4), иронически заостренных, последовательно сменяется императивом (*credite...* 41. 5), и ощущение недосказанности, неполноты остается у читателя вместо закономерно ожидаемого поэтического продолжения. Матерн приводит как бы усеченный вариант знаменитой фразы (лишь то, что касается его лично) в первой речи, конец же цитаты, которого следовало бы ожидать во второй, всецело посвященной судьбе Рима, отсутствует, что соответствует общему духу иносказательности, этой речи присущему. «Именно подтверждение или неподтверждение читательских ожиданий реальным текстом ощущается как эстетическое переживание» – сказанное о пушкинском ямбе⁶¹ справедливо и для композиционного искусства великого римского мастера.

Матерн, тесно связывающий свою судьбу с судьбой Рима, видит неизбежный его конец. Отказ от *libertas*, о котором он говорит (27. 3), ведет, с его точки зрения, не к общественному благоденствию, а предвещает крушение империи. Ирония его носит подлинно трагический характер. Тацитовскому Матерну присущ глубоко пессимистический взгляд на фатально предопределенный исход истории Рима – государства, понимаемого как совокупность его граждан, – иначе какой смысл увязывать судьбу человека и общественного целого, которому он принадлежит, столь тесно и последовательно, делая ее принципом композиционной организации речей героя? За ним чувствуется автор, ведущий его в рассуждениях, но герой этот имел реальный прототип, и можно ли утверждать, что его мнение – это мнение автора? Ирония всегда предполагает и известную долю разочарования, и невозможность или нежелание свободно выразить свои мысли, но категорически исключает сочувствие, тем более страстное, тому, что ее вызывает. Испытывал ли автор те же чувства, что и его герой, или наблюдал их отстраненно? Следы пессимизма есть и в других трудах историка⁶², но допустимо ли в данном случае сравнение?

3. МАТЕРН И ТАЦИТ

Мнение Тацита в диалоге не выражено прямо. Не ясно, кто из персонажей и в какой степени отражает взгляды автора, за кем из них скрывается Тацит. Предпринимались попытки сблизить позицию автора с точкой зрения того или иного из его героев на основе сходства отдельных фактов их биографии⁶³, психологического склада⁶⁴, стиля⁶⁵, принадлежности к тому или иному социальному⁶⁶ или морально-этическому типу⁶⁷, наконец, на основе сопоставления их идей с мыслями самого Тацита, почерпнутыми из других его сочинений⁶⁸. В результате одни заключали, что

⁶¹ Гаспаров М.Л. Лотман и марксизм // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 420.

⁶² Так, «мир» в других контекстах у Тацита ассоциируется прежде всего с отказом от свободы и рабством; «рах» и «libertas» в его сочинениях – практически антонимы; никаких противоречий с диалогом в этой трактовке нет. См. Fröhlike F.M. Ein neues Wort für Lateinlexica: *depacare*. (Zu Tacitus, Dialogus 38,2) // МН. 1979. 36. 2. S. 120.

⁶³ Martin. Op. cit. P. 46 f.; Barwick K. Der Dialogus de oratoribus des Tacitus (Motive und Zeit seiner Entstehung). В., 1954. S. 28 ff.

⁶⁴ Keyssner K. Betrachtungen zum Dialogus als Kunstwerk und Bekenntnis // Tacitus / Hrsg. von V. Pöschl. S. 340; Häussler. Op. cit. S. 235.

⁶⁵ Vretska K. Das Problem der Lücke und der Secundusrede im Dialogus de oratoribus // Tacitus / Hrsg. von V. Pöschl. S. 378; Michel. Le 'Dialogue des Orateurs'... P. 198.

⁶⁶ Syme. Tacitus. I. P. 107 f.

⁶⁷ Кнабе. Корнелий Тацит. С. 152. Подробнее см. Кнабе Г.С. «Multi bonique» и «pauci et validi» в римском сенате эпохи Нерона и Флавиев // ВДИ. 1970. № 3. С. 231–253.

⁶⁸ Seel O. Römische Denker und römischer Staat. S. 1, 1937. S. 45; Keyssner. Op. cit. S. 345.

Тацит говорит в диалоге лишь устами Матерна⁶⁹, другие – Матерна и Апра⁷⁰, третьи – Матерна и Мессалы⁷¹, четвертые – Секунда⁷², прочие же считали, что у всех персонажей есть что-то от автора, но ни с кем из них он не согласен полностью⁷³. С другой стороны, даже признающие решающее слово в диалоге за Матерном предостерегают от полного отождествления взглядов его и автора⁷⁴.

Главная причина расхождения во мнениях, как представляется, – отсутствие в историографии твердых и надежных критериев, руководствуясь коими можно было бы определить, чья точка зрения из представленных в диалоге наиболее близка Тациту. Аргументы психологического плана, очевидно, мало убедительны; нет никаких оснований приписывать все лучшее, что есть у героев, автору, и считать, что все, кажущееся несимпатичным с современной точки зрения, он отвергал⁷⁵; биографии персонажей и автора тоже чем-то схожи, а чем-то отличны: все они провинциалы, за исключением Мессалы, среди них есть и *homines novi*, и выходцы из известных сенаторских родов, все они активно участвовали в политической жизни Рима, все были известными ораторами, все (кроме Апра) занимались литературным творчеством (Матерн по сюжету – поэт, Мессала и Секунд – историки). Трудно сказать, у кого из них больше сходства с автором, у кого – меньше. Сопоставление идей, обнаруживаемых в диалоге и других сочинениях Тацита, тоже малопродуктивный путь в решении вопроса: понимать их можно по-разному, они далеко не однозначны, что видно на примере истолкования в историографии слов Матерна, варианты которого демонстрируют типичный *circulus vitiosus*: 1) Матерн признает необходимость единовластия, за Матерном стоит Тацит, следовательно, Тацит, по крайней мере, в начале своего творчества был убежденным монархистом⁷⁶; 2) Матерн признает необходимость единовластия, но Тацит в более поздних трудах единовластие обличает, следовательно, Тацит не согласен с Матерном⁷⁷; 3) в своих поздних сочинениях Тацит обличает единовластие, но взгляды Матерна – это взгляды Тацита, значит, слова Матерна нельзя понимать всерьез, это не более чем ирония⁷⁸. Как видно, вопрос об отношении автора к идеям своего героя играет не последнюю роль в их интерпретации, и кажущееся их сходство или отличие не может служить аргументом в пользу того, соглашался с ними автор или отвергал.

Наиболее объективным и здесь кажется формально-композиционный критерий. Диалог как жанр предполагает взгляд с разных точек зрения на один и тот же вопрос; естественно ожидать, что именно последнее мнение окажется в споре решающим. С другой стороны, именно позиция главного героя должна интересовать автора в наибольшей степени, притягивать основное внимание; иной вопрос, согласен он с ней или нет.

Предлагались различные варианты композиционного деления диалога «Об ораторах»⁷⁹; наиболее популярно деление его на три пары речей, исходящее из реально сохранившегося текста. В каждой паре рассматривается особый вопрос и дается на него ответ:

⁶⁹ Barwick. *Der Dialogus...* S. 17 f.; Michel. *Le 'Dialogus des Orateurs'...* P. 198. *Лосев*. Ук. соч. С. 505.

⁷⁰ *Keyssner*. Op. cit. S. 339, 342; *Vretska*. Op. cit. S. 378; *Seel*. Op. cit. S. 45.

⁷¹ *Кнабе*. Корнелий Тацит. С. 152; *Christ K.* Tacitus und der Principat // *Historia*. 1978. 27. Ht 3. S. 472.

⁷² *Köves-Zulauf T.* Reden und Schweigen im taciteischen 'Dialogus de oratoribus' // AAASH. 1990–1992. T. 33. Fasc. 1–4. S. 93–104.

⁷³ *Häussler*. Op. cit. S. 235.

⁷⁴ *Gudeman*. Op. cit. S. 68.

⁷⁵ *Häussler*. Op. cit. S. 235: «Тацит – реалист, но не поверхностный прагматик, как Апра; он уважает традицию, но он не консерватор, как Мессала; ему не свойственен и идеализм Матерна».

⁷⁶ *Reitzenstein*. Tacitus. S. 8 f.

⁷⁷ *Martin*. Op. cit. P. 46 f.

⁷⁸ *Köhnken*. Op. cit. S. 32–50.

⁷⁹ Большинство авторов пытаются реконструировать утраченный между главами 35 и 36 текст, поэтому варианты существенно отличаются друг от друга, базируясь на гипотезах о содержании предполагаемой речи Секунда.

- 1) подвержено ли ораторское искусство упадку? – да (Матерн);
- 2) переживает ли оно упадок в настоящий момент? – да (Мессала);
- 3) каковы причины упадка ораторского искусства? – политические и социальные перемены (Матерн)⁸⁰.

Казалось бы, последнее слово отводится Матерну и Мессале. Но схема эта отчасти кажется надуманной. Так, в вводной паре речей сравнивается ораторское искусство и поэзия⁸¹, и если Агр освещает достоинства первого, то Матерн приоткрывает его темные стороны; собеседники не столько полемизируют, сколько дополняют друг друга, последнее слово остается за Матерном. Во второй паре сопоставляются современный (Агр) и древний (Мессала) стили речи, но итоги, прерывая Мессалу (гл. 25–26), вновь подводит Матерн; его вывод: не в изменении стиля следует искать причину упадка – для героя, как и для автора, священно правило *de gustibus non disputandum*. И, наконец, в заключительной паре анализируются причины изменений в римском ораторском искусстве: Мессала связывает их с переменами в образовании римлян, Матерн согласен с ним, но предлагает свой, достаточно оригинальный и новаторский⁸² вариант решения проблемы.

Матерн, таким образом, играет ведущую роль в композиции диалога; он, бесспорно, главный его герой: именно из-за него разгорелся спор, именно он направляет его в нужное русло. У Цицерона Красс проводит идеи автора⁸³; нет никаких оснований считать, что и у Тацита нет героя, чьи идеи были особенно близки автору, что его диалог «уникален в этом отношении»⁸⁴. Единственный аргумент, приводимый нежелающими признать в Матерне главного проводника идей Тацита, – это биографические несоответствия: герой намерен оставить форум, чтобы обратиться к поэзии; автор политическую деятельность не оставил и увлекся историей, а не сочинительством трагедий⁸⁵. Но, во-первых, не без основания можно предположить, что Матерн, хотя на словах и собирался, но *officia* свои не бросил, во-вторых, строгого деления на жанры в античности не существовало, и исторические труды Тацита зачастую сравнивают и с поэмой, и с драматическим произведением; полагают даже, что в Таците умер великий поэт-трагик⁸⁶.

Важно и то, что главный герой диалога имел свой прототип, лицо, возможно, достаточно влиятельное и известное, и считать ли Матерна проводником идей Тацита или же историк следовал точке зрения исторического Матерна, неясно, – хотя позиция его, очевидно, привлекала автора, тот мог созерцать ее и отстраненно. Понять, почему именно Матерн произносит в диалоге речи, исполненные пессимизма и иронии, что они могли означать для современников, какую цель преследовал Тацит, обращаясь к этой теме, можно, лишь определив хронологическое и смысловое отношение диалога к другим сочинениям историка. Только вписав диалог во вполне определенный внешний контекст, связав его с конкретной политической ситуацией в Риме, можно ощутить истинный смысл и значение иронических намеков автора, оценить возможную актуальность их звучания.

⁸⁰ Häussler R. Zum Umfang und Aufbau des Dialogus de oratoribus // *Philologus*. CXIII. S. 24–67; Goodyear F.R.D. Tacitus. Oxf., 1970. P. 15.

⁸¹ Leo F. Rezension der 1. Aufl. von Gudemans Dialogus-Ausgabe // GGA. 1898. S. 169 ff.

⁸² В политических переменах видит причину упадка красноречия и автор трактата «О возвышенном», но датировка его сильно колеблется, и не ясно, был ли он написан до или после опубликования диалога Тацита (*Heldmann*. Op. cit. S. 196).

⁸³ Hass-von Reitzenstein. Op. cit. S. 33.

⁸⁴ Martin. Op. cit. P. 64.

⁸⁵ Ibid. P. 65; Luce T.J. Tacitus' Conception of Historical Change: the Problem of Discovering the Historian's Opinions // *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing* / Ed. I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman. Cambr., 1986. P. 146.

⁸⁶ Leo F. Tacitus. Göttingen, 1896. S. 13 f.

В настоящее время общепризнано, что диалог был написан Тацитом примерно тогда же, когда и другие его «малые» сочинения – где-то между 97 и 107 гг. Но иронические высказывания Матерна и скрытый за ними глубокий пессимизм по-разному звучали бы для слушателя в 97–100 или 102 году, т.е. непосредственно после смены династий, при Нерве и в начале правления Траяна, – и в 105–107 гг., в зените его. Именно таков тем не менее разброс датировок диалога в историографии.

96–100 годами датируют его, главным образом, филологи, сопоставлявшие его текст с текстами «Наставлений оратору» Квинтилиана⁸⁷, писем⁸⁸ и панегирика⁸⁹ Плиния, «Агриколы» и «Германии» Тацита⁹⁰. *Terminus post quem* они определяют как 96 год (смерть Домициана – 16 сентября; публикация труда Квинтилиана)⁹¹, *terminus ante quem* – 100–101 гг. (публикация «Панегирика императору Траяну»)⁹². Сравнительный анализ текстов диалога и других малых произведений Тацита, по мнению приверженцев этого направления, показывает, что диалог был первым в ряду этих сочинений, написанным незадолго до «Агриколы», опубликованного в 98 г.⁹³ Согласно их рассуждениям, многочисленные лексические параллели с письмами Плиния, собранными в первой книге и относящимися к 96–97 годам, характерный именно для того времени особый интерес их автора к проблемам стиля, оживление интеллектуальной жизни в Риме после гибели Домициана, достигшее своего пика в апреле 97 г., позволяют предполагать, что как раз тогда публика впервые ознакомилась с диалогом: весной 97 г. состоялись первые его чтения, уже к августу того же года он существовал в достаточно полном, хотя, возможно, и не вполне завершённом виде⁹⁴.

Рассуждения эти имеют свои слабые стороны. Прежде всего, с «Панегириком» Плиния публика, действительно, ознакомилась в 100 г., но окончательный, существенно переработанный вариант его появился не ранее 102 г.⁹⁵ Далее, сами сторонники этого подхода отмечают, что очень трудно определить направление заимствования⁹⁶: никогда нельзя с полной уверенностью утверждать, кто из двух авторов почерпнул у другого то или иное выражение, или оба пользовались неким третьим источником. Вероятность правильного определения последнего тем выше, чем точнее, пространнее и многочисленнее цитаты. Требования эти выдержаны в работах, где сопоставляется текст диалога и других малых произведений Тацита, трактата Квинтилиана и «Панегирика» Плиния. Но большинство параллелей, обнаруженных в диалоге и первой книге писем Плиния, ограничиваются сочетаниями двух-трех слов, совпадающих полностью далеко не всегда; никаких ссылок на Тацита Плиний не дает (как, например, в Ер. IX. 10), так что объяснить их можно не столько заимствованием, сколько общностью сюжета, – не случайно большинство из них (25 из 37) приходится на первые 20 глав диалога⁹⁷, т.е. на речи Апра, характеризующие современное ораторское искусство и новый стиль. Апр высказывает мысли хотя и здравые, но, по всей видимости, достаточно банальные: так, идея о том, что лишь зависть мешает публике признать таланты современников, встречается и у Тацита (18.3), и у Плиния Младшего (Ер. I. 16.8–9), и у Марциала (V. 10).

⁸⁷ *Günther R.* Der Dialogus des Tacitus und Quintilians *Institutio oratoria* // CIPh. 1951. 46. P. 159–162.

⁸⁸ *Murgia.* The Date... P. 99–125; *idem.* Pliny's Letters and the Dialogus // HSCP. 1985. 89. P. 171–206.

⁸⁹ *Bruère R.T.* Tacitus and Pliny's Panegyricus // CIPh. 1954. 49. P. 161–179; *Günther R.* Tacitus' Dialogus und der Panegyricus des Plinius // Festschrift Bruno Snell. Zum 60. Geburtstag. München, 1956. P. 145–152.

⁹⁰ *Murgia.* The Date... P. 99–125.

⁹¹ *Günther R.* Der Dialogus... S. 162.

⁹² *Bruère.* Tacitus... P. 179.

⁹³ *Murgia.* The Date... P. 116 f.

⁹⁴ *Idem.* Pliny's Letters... P. 206.

⁹⁵ *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny. The Social and Historical Commentary. Oxf., 1966. P. 162 f.

⁹⁶ *Murgia.* Pliny's Letters...

⁹⁷ *Ibid.* P. 189.

В целом данные компаративистских исследований, бесспорно, могут свидетельствовать лишь о начале работы Тацита над диалогом, о его раздумьях над этой темой в конце 90-х гг., но никак не о точной дате появления окончательного варианта текста. Предположить, когда это примерно могло произойти, можно, определив место диалога в ряду «малых» сочинений Тацита.

Давняя проблема тацитоведения – интерпретация знаменитого пассажа *Germ. 33.2: urgentibus imperii fatis nihil iam praestare fortuna maius potest quam hostium discordiam* («когда империи угрожают неотвратимые бедствия, самое большее, чем может порадовать нас судьба, – это распри между врагами» – пер. А.С. Бобовича). Слова эти истолковывались прямо противоположно: в них видели свидетельство оптимизма Тацита, надежд, возлагаемых им на новую династию, предчувствия новых побед Рима, подчеркивая, что, по Тациту, историческое предназначение Рима, его *fatum*, заключается в расширении Империи и постоянной внешней экспансии; настоящий подарок судьбы с этой точки зрения – раздоры среди врагов⁹⁸. Усматривали в словах этих и, напротив, проявление крайнего пессимизма, уже тогда характерного для историка, предчувствие грядущего заката римского могущества, причина которого, по Тациту, либо общий упадок морали⁹⁹, либо постоянная угроза гражданской войны, нависавшая над Империей уже более столетия¹⁰⁰. При этом прослеживались параллели с Луканом¹⁰¹, которые расценивались как следствие влияния стоиков. Характерно, что сторонники второй гипотезы категорически отрицают первую, полагая, будто здесь нет и намека на внешнюю экспансию, т.е. на официальную, идеологическую точку зрения.

В «Агриколе» Тацит пишет о свободе, наступившей с приходом Нервы к власти (*Agr. 3.2*), но заявляет он о ней в период полной политической неопределенности¹⁰², и это заставляет подозревать его в неискренности, видеть в словах его простое повторение общепринятого штампа. Характерна проблема, стоящая перед исследователями этого сочинения: следует ли буквально воспринимать слова Тацита, характерна и диаметрально противоположность вариантов интерпретации. Двусмысленность при истолковании всех трех «малых» произведений историка представляется неслучайной, она может быть имманентно присуща текстам, а не вносима в них историографией. Как было показано, в диалоге «Об ораторах» намеренно заданы два плана – один соответствует официальной версии, другой – мнению лично Тацита. Возможно, непроизвольно или преднамеренно такой эффект был создан и в «Германии», и в «Агриколе», где он наиболее скрыт. При этом тема, которая будет развернута в диалоге во всей ее полноте, с указанием истинной – внутривластной – причины близящегося упадка Рима, дана в «Германии» лишь намеком. Диалог демонстрирует наиболее явно и творческий метод Тацита, позволяющий ему искусно выразить свое истинное отношение к действительности, не покрывив душой, и одновременно, подстраховавшись, прикрыть истинный смысл своих слов. С другой стороны, «пластическая диалектика личности и общественного целого, индивидуальности и истории», содержащаяся в зародыше в самом сюжете «Жизнеописания Агриколы»¹⁰³, в диалоге выступает уже ясно и отчетливо, как структурообразующий принцип композиционной организации речей Матерна. Развитие темы близкого конца могущества Рима и композиционного мастерства Тацита в ранних его произведениях свидетельствует, что диалог был скорее всего последним в их ряду, а

⁹⁸ Reitzenstein. Op. cit. S. 15.

⁹⁹ Urban R. *Urgentibus imperii fatis. Die Lage des Römischen Reiches nach Tacitus' Germania 33,2* // Chiron. 1982. XII. S. 145–162.

¹⁰⁰ Kraft K. *Urgentibus imperii fatis. Tacitus, Germania 33* // Hermes. 1968–1969. XCVI. S. 591–608.

¹⁰¹ Ibid.; Schmid W. *Urgentibus imperii fatis (Tac. Germ. 33)* // Didascalie. Studies in Honor of A.M. Albareda. N.Y., 1961. P. 381–392.

¹⁰² Schwarte K.H. *Trajan's Regierungsbeginn und der Agricola des Tacitus* // Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums. 1979. CLXXIX. S. 139–175.

¹⁰³ Кнабе Г.С. Римская биография и «Жизнеописание Юлия Агриколы» Тацита // ВДИ. 1980. № 4. С. 72.

это противоречит выводу специалистов, основывавшихся на анализе лексических параллелей. Но, как уже говорилось, их метод имеет слабые стороны. «Агрикола» и «Германия» были написаны Тацитом при Нерве и опубликованы в сравнительно краткие сроки, поэтому вряд ли работа над диалогом растянулась на целое десятилетие, с 97–98 по 107–108 гг. Автор, так долго не имевший возможности высказаться (Агр. 3. 2), не стал бы откладывать публикацию своего творения. Самым вероятным временем его появления представляется поэтому самое начало II в.

Тацит начал работать над диалогом в 97 г., когда тема роли ораторского искусства была особенно актуальна в Риме, – к тому времени был уже опубликован¹⁰⁴ или как раз начал выходить в свет¹⁰⁵ труд Квинтилиана, долго молчавшие устремились к публике, речитируя свои творения. Но оживилась не только литературная, но и политическая жизнь – 97 год был годом возвращения изгнанников, мятежа в Риме, слухов о готовящемся выступлении в провинции, стычек в сенате из-за *damnatio memoriae* Домициана и, главное, из-за поисков преемника Нерве. Это был, наконец, предположительный год консульства Тацита. Уже на основе всего этого можно подозревать, что к работе над диалогом его подвели не одни лишь личные¹⁰⁶ или сугубо творческие обстоятельства¹⁰⁷.

Да, можно согласиться, что диалог был прямым ответом на характеристику состояния красноречия того времени в X книге «Наставлений оратору»¹⁰⁸. Квинтилиан выражает надежду, что те, кто будет писать после него, восславят современное ему ораторское искусство: *habebunt qui post nos de oratoribus scribent, magnam eos, qui nunc vigent, materiam vere laudandi: sunt enim summa hodie, quibus inlustratur forum, ingenia* (Inst. orat. X. 1. 122). Вывод диалога, название которого переключается с этой фразой, но вовсе не соответствует содержанию беседы, так как ее главный предмет – причины упадка красноречия (возможно, оно навеяно именно этим пассажем Квинтилиана), прямо противоположен выводу знаменитого риторика. Косвенно это лишь подтверждает более раннюю датировку диалога¹⁰⁹, но мотивы автора этим не исчерпываются.

Предполагалось, что Тацит работал над диалогом в 105–107 гг. как историк, одновременно с соответствующими главами своего первого исторического труда, посвященными Веспасиану¹¹⁰. Но содержание диалога не ограничено исторической, равно как и чисто литературной проблематикой. Ораторское искусство рассматривается в нем не только как культурное, но и как социальное-политическое явление. Сам по себе диалог – сочинение теоретического плана, в данном случае это не просто рассуждение на тему, которая была актуальна и обсуждалась в Риме с 40-х годов I в. н.э., но размышление о судьбе конкретного человека и мира, которому он принадлежит. Политический план наряду с историческим и литературным выражен в диалоге вполне отчетливо. Выводы Тацита имеют обобщающий характер и значимы не только для какого-то отдельного периода ранней империи. Не случаен выбор персонажей: это представители разных поколений – 20–30-х (Апр и Секунд), 40-х (Матерн) и 50-х годов (Мессала и Тацит), т.е. люди, вступившие на рубеже I–II вв. на вершину политического олимпа, и их немногим более старшие братья и отцы, свидетели не только гражданской войны 68–69 гг. и принципата Веспасиана, но и

¹⁰⁴ Традиционно публикацию труда Квинтилиана относят к самому концу правления Домициана (Schwalbe. Op. cit. Sp. 1856; Kennedy. Op. cit., S. 28; Adamietz J. Quintilians «Institutio oratoria» // ANRW. II. 32.4. В. – N.Y., 1986. S. 2248).

¹⁰⁵ McDermott W.C., Orentzel A.E. Quintilian and Domitian // Athenaeum. 1979. 87. Fasc. 1–2. P. 21, 26.

¹⁰⁶ Barwick. Der Dialogus... S. 30.

¹⁰⁷ Ibid. S. 17, 31; Кнабе. Корнелий Тацит. С. 152.

¹⁰⁸ Barwick. Der Dialogus... S. 17.

¹⁰⁹ Вряд ли ответ Тацита заставил себя ждать до 105 г., как предполагает К. Барвик (Der Dialogus... P. 121 ff.).

¹¹⁰ «Перед нами полнота ретроспекции, а не живая неправильность борющихся противоречий действительности... Ретроспективный характер книги явствует и из ее содержания, и из времени ее создания» (Кнабе. Корнелий Тацит. С. 152).

правления Клавдия и Нерона. Не случаен и выбор времени действия – это середина 70-х годов, первые годы правления Веспасиана, а не, скажем, Тита – время, считающееся некоторыми современными исследователями более подходящим для беседы такого рода¹¹¹. Помимо того, что сюжетная канва, вокруг которой строится действие в диалоге, имеет свою реальную основу (события, действительно имевшие место при Веспасиане, а не при Тите), период этот давал автору, как представляется, богатый материал для обобщений: в диалоге дается характеристика лишь двух римских принцевов – Августа и Веспасиана; оба они стояли в начале новых династий, оба пришли к власти после гражданских войн, т.е. речь идет о временах, открывавших новые вехи в римской истории и воспринимавшихся римлянами как поворотные, во всяком случае, приход к власти этих императоров дал толчок к переосмыслению картины прошлого в римской историографии¹¹². Тацит также писал свой диалог в самом начале новой династии – династии Антонинов, вскоре после убийства Домициана; Веспасиану дорогу к власти открыло ниспровержение Нерона. Сюжет, привязанный ко времени правления Веспасиана, должен был давать материал для широких обобщений и аналогий с современностью. В диалоге представлен взгляд не на какой-то отдельный период в жизни Рима I в. н.э., а на империю в целом, на ее сущность и судьбу. К его публикации Тацита подтолкнуло нечто большее, нежели желание воссоздать во всей полноте ретроспективную картину времени Веспасиана¹¹³. Тацит писал диалог не только как историк, но и как политик, он должен был преследовать определенную цель, задаваясь вопросом о судьбе Рима в кризисный для него период.

Диалог датировали 102 годом, исходя из предположения, что, посвящая свое произведение Фабию Юсту, консулу-суффекту этого года, Тацит следует традиции римских авторов приурочивать публикацию своих трудов к чьему-либо консульству¹¹⁴. Сам по себе аргумент этот недостаточен для датировки¹¹⁵, но учитывая, что отнести публикацию диалога примерно к 102 г. можно исходя и из иных данных, совпадение это не может быть случайным: далеко не все авторы адресовали свои сочинения конкретному лицу¹¹⁶, для этого у Тацита должна была быть какая-то веская причина. Кажется существенным то обстоятельство, что как раз в начале II века в жизни Фабия Юста произошел крутой поворот: пожертвовав своим литературным даром, он отдал себя служению на военном поприще¹¹⁷. В этом отношении судьба его была бы схожа с судьбой Корнелия Нигрина Куриация Матерна, блистательного полководца Домициана, которого можно с известной долей вероятности считать прототипом героя Тацита. С другой стороны, если для историка

¹¹¹ *Murgia*. The Date... P. 124: «Тит, как и Траян, пытался обуздать засилие донощиков» – вот причина, по которой автор считает его принципат «более удачным временем» действия для диалога Тацита. Задача исследователя – объяснить факты, а не пытаться перекроить их в соответствии со своими гипотезами, в которые они не укладываются, указывая, как лучше было Тациту писать свое сочинение. Содержание трактата, однако, отнюдь не сводится к обсуждению проблемы доносительства в I в.; к тому же Тит не был единственным, кто предпринимал шаги в этом направлении.

¹¹² *Klingner F.* Tacitus über Augustus und Tiberius // Tacitus / Hrsg. von V. Pöschl. S. 518.

¹¹³ *Кнабе*. Корнелий Тацит. С. 152, 158.

¹¹⁴ *Kappelmacher W.* Zur Abfassungszeit von Tacitus' Dialogus de oratoribus // WS. 1932. S. 121 ff.; *Syme*. Tacitus. I. P. 112.

¹¹⁵ В. Капельмахер (*ibid.*) ссылается при этом на «Историю» Веллея Патеркула, IV эклогу Вергилия и XII книгу Марциала. P. Сайм признает его предположение обоснованным и считает, что именно тогда Тацит написал свой диалог, опубликовав его между 102 и 107 гг. (Tacitus. II. App. P. 672 f.). Но Вергилий просто упоминает консула Азиния Поллиона (IV. 12), Марциал же обращается к Теренцию Приску не столько потому, что тот был консулом, сколько потому, что он посетил Испанию (*Mart.* XII. Praef.). Гораздо чаще римские авторы посвящали свои труды родным и близким – Фабий Юст был другом Тацита (*Syme R. Ten Studies in Tacitus*. Oxf., 1970. P. 118), равно как Марк Брут – Цицерона; введения к их сочинениям – «Об ораторах» первого и «Оратору» второго – поразительно схожи, вплоть до прямых лексических параллелей и общего их плана; но Брут, которому Цицерон посвятил свой диалог, вовсе не был в 46 г. консулом.

¹¹⁶ Ср. «Контроверсии» Сенеки Старшего: quod exigitis faciam et quaecumque a celeberrimis viris facunde dicta teneo, ne ad quemquam privatim pertineant, populo dedicabo (*Sen. Controv.* I. Praef. 10).

¹¹⁷ *Syme*. Tacitus. I. P. 112.

важно было посвятить свое сочинение Фабию Юсту именно в год его консульства, т.е. как консулу, а не как другу, то следует признать существование не только личной, но и общественной подоплеки для этого¹¹⁸. Адресуя диалог Фабию Юсту, Тацит адресовал его тем самым правящей группировке. Как автор сочинения, имевшего явную политическую актуальность и конкретного адресата, он должен был рассчитывать на определенный резонанс, мог стремиться выразить свое скептическое отношение к правящей группировке и ее политике или, напротив, приветствовать ее; мог пытаться влиять на нее или оправдывать свою позицию.

Любое сочинение политического плана обычно имеет какой-то повод – конкретное событие или весь ход политической жизни. Дж. Вильямс, принимающий 102 г. как дату публикации диалога, считает этим поводом высылку доносчиков из Рима (подразумеваемая тем самым, что Тацит приветствовал политику Траяна во всех отношениях)¹¹⁹. Однако эта акция не могла стать причиной пессимизма и иронии, следы которых обнаруживаются в диалоге. По предположению Г. Альфельди, опубликовавшего надпись с упоминанием Матерна, тот был наместником Сирии в 97–98 гг. и одним из основных соперников Траяна в возможной борьбе за политическое наследство Нервы¹²⁰. Трудно сказать, что произошло в действительности, но уже при Траяне мы находим Матерна в его поместье на Лаврентинских болотах недалеко от Остии. Удалившийся в Испанию Марциал обращается к нему с посланием, сравнивая свою судьбу – судьбу человека, покинувшего Рим и удалившегося в провинцию, – с его (Mart. X. 37). Возможно, общий пафос диалога – рассуждения Матерна об отказе от активной политической деятельности, об обращении к поэзии, уединении *inter petra et lucos* – имел реальную подоплеку в событиях не середины 70-х, а конца 90-х гг. I в. Не ясно, удалился ли он от дел добровольно или нет, и как относился к нему новый принцепс, но, вероятно, ко времени публикации диалога его уже не было в живых. Скептический настрой его и Тацита в диалоге свидетельствует, что события развивались скорее всего не в его пользу: либо он разочаровался в возможности влиять на принцепса (вершина карьеры оратора, по Апру (5), – управление провинциями и произнесение речей *apud principem*), либо внушал опасения Траяну как бывший соперник. Возможно, стоит посмотреть на диалог как на сочинение, стоящее в одном ряду с речью Тацита в честь Вергиния Руфа, бывшего некогда одним из потенциальных претендентов на высшую власть в Римской империи, но добровольно отказавшегося от нее (тем более что эта тема присутствует и в «Агриколе»). Думается, диалог «Об ораторах» может пролить свет на общую тенденцию политического развития на рубеже I–II вв., в частности, на обстоятельства прихода Траяна к власти, но вопрос этот требует специального изучения.

Подводя итоги, подчеркнем некоторые выводы, полученные в результате изолированного анализа основных вопросов, традиционно связываемых с интерпретацией диалога «Об ораторах»:

1. Куриаций Матерн может быть идентифицирован с другом и патроном Марциала (Mart. I. 96; II. 74; X. 37) и наместником Мезии и Сирии (AE. 1973. № 283), исчезнувшим с политической сцены ок. 98 г.

2. Присутствие иронии в речах Матерна доказывается вне зависимости от судьбы его реального прототипа, лишь на основании параллелизма в композиционном строении двух его речей, и категорически исключает поддержку Тацитом идеологических штампов эпохи.

3. Слова Матерна о своей близкой кончине в первой его речи приведены как намеренная параллель рассуждениям об упадке и гибели крупнейших империй во второй его речи; они представляют собой кальку с греческого (Hom. II. VI. 448; Polyb. XXXIX. 6; App. Punic. 132) и содержат намек на неминуемый крах Рима, обнаруживая пессимистическое, фаталистическое настроение Тацита в диалоге.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ Williams G. Change and Decline. Roman Literature in the Early Empire. Berkeley, 1978.

¹²⁰ Alföldy, Halfmann. Op. cit. S. 364.

4. Наличие двух прямо противоположных возможностей понимания некоторых пассажей в ранних произведениях Тацита (Agr. 3.1; Germ. 33.2) объяснимо изначально-ным желанием автора скрыть за иронией смысл своих слов, его неуверенностью в возможности выразить свои мысли прямо и открыто в переходный для Рима период конца I в.

5. Независимо от этих данных есть основания считать диалог сочинением, которое имело актуальную политическую направленность и какой-то конкретный повод в жизни Рима.

Выводы эти коррелируются между собой и, учитывая, что получены они независимо друг от друга, могут подтверждать правильность первоначальной гипотезы об идентификации героя диалога как крупнейшего деятеля эпохи Флавиев, сошедшего с политической сцены при Траяне. Судьба Матерна при Траяне и могла стать поводом написания Тацитом этого сочинения, которое может использоваться для реконструкции политической ситуации в Риме в 97 – начале 98 г. Думается, эти заметки могут показать, что подход, основанный на разграничении внешнего и внутреннего контекста при анализе текста и интерпретации как сочинения в целом, так и отдельных его частей, плодотворен и позволяет выйти за пределы порочного круга, сложившегося в традиционной историографии вопроса. Истолковывать текст следует исходя лишь из внутреннего контекста; полученные таким путем данные можно использовать для корректировки и реконструкции контекста внешнего.

О.Г. Колосова

FATE OF A MAN AND OF THE EMPIRE
IN *DE ORATORIBUS* BY TACITUS

(On the Interpretation of the Dialogue)

O.G. Kolosova

The article considers a number of questions connected with interpretation of the dialogue *De Oratoribus* by Tacitus. The author focuses on the ideological content of the speeches of its main character Curiatius Maternus. *Circulus vitiosus* is clearly observed in the historiography of this question: the interpretation of Maternus' speeches is deduced from his tragic fate under the *Flavii* surmised on the basis of the abovementioned interpretation. That is why the approach to the solution of the problem should not be synthetic, but analytical without recourse to hypothetical data of the external context in the interpretation of the dialogue as a whole and of its parts. Maternus' speeches can be interpreted only on the basis of the internal context, i.e. their composition. The data obtained in this way can be used to correct and reconstruct the external context. As a result of the study the following conclusions have been made.

1. Curiatius Maternus can be identified with the friend and patron of Martialis (Mart. I. 96; II. 74; X. 37) and governor of Moesia and Syria (AE 1973. 283) who disappeared from the political arena ca. 98.
2. Presence of irony in Maternus' speeches can be proved regardless of the fate of his real prototype only on the basis of parallelism in the composition of his two speeches.
3. Maternus' words about his impending demise in the first speech are given as a deliberate parallel to the comments on the decline and fall of the great empires in the second speech; they represent a loan translation from Greek (*Hom.* II. VI. 448; *Polyb.* XXXIX. 6; *App.* Punic. 132) and contain a hint at the inevitable collapse of Rome disclosing the pessimistic, fatalistic mood of Tacitus in the dialogue.
4. Existence of two directly opposite possibilities of understanding some passages in early works by Tacitus (Agr. 3.1. Germ. 33.2) can be accounted for by the original desire of the author to conceal the meaning of this words through irony, by lack of certainty as to whether he could express his ideas directly and explicitly in the transitional for Rome period, the late I c.A.D.
5. Irrespective of these data, there is reason to consider the dialogue a composition with a topical political significance, which had to have some specific occasion to be written.

These conclusions correlate with each other, and bearing in mind that they were made irrespective of each other, confirm the correctness of the original hypothesis on the identification of the main character of the dialogue as a major political figure of the Flavian epoch who disappeared from the political arena under Trajan. Maternus' fate under Trajan could be the reason for writing the dialogue. The data of the dialogue *De Oratoribus* could be used for the reconstruction of the political situation in Rome on the eve of Trajan's assumption of power.

© 1998 г.

К ВОПРОСУ О ЖИВОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ БУДДИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Учение Будды играло значительную роль в идеологии и культуре народов, населявших Среднюю Азию в древности и раннем средневековье. Данное положение обычно принимается в целом в русле индийского влияния на Среднюю Азию без учета того, что это явление состоит из многочисленных слагаемых, каждое из которых требует самостоятельного анализа.

Несмотря на то что по поводу даты начала распространения буддизма в Среднюю Азию продолжается полемика¹, очевидно, что со времени объединения части среднеазиатских земель с Северо-Западной Индией под властью Кушан буддизм прочно утвердил свое влияние на всей территории империи, в том числе и в Северной Бактрии. Об этом свидетельствует широкое строительство при Кушанах буддийских культовых сооружений, руины которых представляют благодатный материал для исследователей, в том числе и в области истории искусства.

В настоящее время на территории Северной Бактрии кушанского времени известны 11 буддийских памятников².

Одним из наиболее изученных среди них является культовый центр Кара-тепе, расположенный в северо-западной части городища Старый Термез³. С 1987 по 1991 г. Каратепинский археологический отряд Государственного музея Востока в составе Совместной археологической экспедиции учреждений Министерства культуры РФ исследовал участок на северном склоне западного холма Кара-тепе. В результате работ был полностью раскопан самостоятельный архитектурный комплекс, который, согласно принятой системе обозначения, получил наименование комплекса Е. Он состоял из прямоугольного двора, расположенного на участке выровненного склона холма, трех предпещерных помещений, построенных из сырцового кирпича, и трех пещер, вырубленных в холме. По стратиграфии и планировочным изменениям удалось выделить четыре этапа существования комплекса: по всей видимости, он

¹ В настоящее время существуют две основные точки зрения на данный вопрос. По мнению Б.А. Литвинского, ряд косвенных свидетельств дает основание предполагать «проникновение буддизма в Среднюю Азию накануне или в ранний период образования Кушанского государства» (*Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепе. М., 1971. С. 112*), а Б.Я. Ставиский считает, что более определенно об этом процессе можно говорить со II в. до н.э. (*Stavisky B. The Fate of Buddhism in Middle Asia in the Light of Archaeological Data // Silk Road Art and Archaeology. 1993/1994. V. III. P. 121*).

² *Stavisky. Op. cit. P. 114–116.*

³ Основная литература по Кара-тепе перечислена в двух библиографических указателях: *Шеголев О.Н. Исследования Кара-тепе в 1961–1970 гг. в освещении печати. Аннотированная библиография // Буддийский культовый центр в Старом Термезе. М., 1972. С. 155–164; Заднепровская Т. Исследования Кара-тепе в Старом Термезе в 1971–1985 гг. Библиографический указатель // Информационный бюллетень МАИКСА. Вып. 12. М., 1987. С. 118–130.*